

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

DOI 10.35775/PSI.2026.132.3.008

УДК 32

Д.А. РАЗИНКОВ

специалист-эксперт, Московский государственный

университет имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

E-mail: razinkoff.danil@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ВЛИЯНИЯ И ОСОБЕННОСТИ

В статье рассмотрим влияние современности на городскую политическую реальность. Для продуктивного анализа будет использована политологическая концепция политической культуры в авторской интерпретации, включающая классическую ориентационную модель Алмонда и Вербы, а также дискурсивно-практический подход Стивена Уэлча. Современность будем понимать социологически, которое включает в себя процессы глобализации, индивидуализации, информатизации, а также капиталистической трансформации. Итак, рассмотрим, как существует городская политическая культура в условиях современности.

Ключевые слова: политическая культура, современность, городская культура, глобализация, индивидуализация, трансформация капитализма, информатизация.

Введение. Современные города представляют собой сложные и динамично развивающиеся системы, являются центрами социальных, экономических и политических процессов. В условиях глобальных трансформаций, характерных для современной эпохи, претерпевает изменения и городская политическая жизнь, что ставит перед исследователями задачу переосмысления феномена политической культуры в специфических городских условиях.

Анализ политической культуры города в современную эпоху имеет важное значение для понимания динамики городской политической жизни – от факторов, определяющих степень гражданской активности, до особенностей взаимодействия локальных сообществ с органами управления. Особую актуальность такому исследованию придают вызовы, стоящие перед современными городскими агломерациями: возрастающее социальное расслоение, необходимость адаптации к новым технологиям и поиск эффективных стратегий устойчивого развития. Теоретическое осмысление этих процессов способствует формированию более глубокого понимания механизмов городской политики.

Основная цель статьи – выявить и проанализировать, как фундаментальные процессы современности – глобализация, информатизация, трансформация

капитализма и индивидуализация – воздействуют на политическую культуру города. В работе будет применена концепция политической культуры, объединяющая структурный подход к ориентациям граждан и понимание культуры как диалектического единства дискурсивного и практического измерений. Такой ракурс позволит рассмотреть, каким образом черты современной эпохи влияют на коллективные представления и реальные практики горожан в политической сфере.

Материалы и методы исследования

Для анализа политической культуры города в условиях современности необходимо уточнить используемые понятия – начнем с феномена политической культуры. Это понятие, введенное в научный оборот в середине XX века, традиционно определяется через систему ориентаций граждан по отношению к политике. Классический подход Габриэля Алмонда и Сидни Вербы выделяет когнитивные (знания), аффективные (чувства) и оценочные (суждения) ориентации, формирующие различные типы политической культуры выделяет [1]. Однако, как отмечала дальнейшая критика, сведение политической культуры исключительно к индивидуальным установкам не всегда позволяет учесть ее сложность, динамику и институциональный контекст.

В свете этих ограничений в данном исследовании будет применяться интегративный подход к политической культуре, развиваемый, в частности, Стивенем Уэлчем [19; 20]. Этот подход предлагает рассматривать политическую культуру как диалектическое единство двух измерений: дискурсивного и практического. Дискурсивное измерение включает совокупность коллективных смыслов, норм, ценностей и нарративов, связанных с политической сферой, которые выражены в языке и символах. Оно формирует общественные представления о политике и влияет на формирование ориентаций граждан. Практическое измерение, напротив, относится к реальным поведенческим моделям, навыкам и рутинам политического участия и взаимодействия, включая как осознанные действия, так и неосознаваемые аспекты повседневного опыта. Взаимодействие этих двух измерений носит динамический характер: дискурс задает рамки и смыслы для практики, а практика, в свою очередь, формирует опыт, который может изменять существующие дискурсы.

При анализе политической культуры города принципиально важно учитывать специфику городской среды. Урбанизм, определяемый как особый «образ жизни», характеризуется высокой плотностью населения, гетерогенностью и интенсивностью социальных связей. Городское пространство и социальная динамика активно формируют политическую культуру, делая ее уникальной, укорененной в локальном контексте и подверженной фрагментации [2; 4].

Таким образом, под политической культурой современного урбанизма в данной статье понимается комплекс дискурсивных (коллективные представления, ценности, ориентации относительно городской политической системы) и практических артефактов (поведенческие паттерны, навыки, формы участия),

проявляющийся в условиях специфической городской среды и относящихся к политической сфере городской жизни.

Теперь перейдем к современности, которую мы понимаем как период, начавшийся в последнюю треть XX века и характеризующийся рядом фундаментальных макропроцессов, оказывающих глубокое и всестороннее воздействие на социальные, экономические и политические измерения жизни. Города, являясь концентрированным выражением этих изменений, подвергаются особенно интенсивному влиянию. Среди ключевых макропроцессов современности, как отмечают исследователи, выделяются глобализация, информатизация, трансформация капитализма и индивидуализация. Эти процессы выходят за рамки простого внешнего контекста, активно проникая в повседневную жизнь горожан и изменяя устоявшиеся модели их поведения и мышления. Анализ того, как характеристики современности воздействуют на политическую культуру города через ее дискурсивное и практическое измерения, позволяет выявить специфические черты городской политической жизни в XXI веке, а также источники напряжений и конфликтов [5; 7; 10].

Результаты и обсуждение. В числе ключевых процессов, определяющих современную социальную реальность и оказывающих заметное воздействие на городские системы, выделяют глобализацию. Этот многоаспектный феномен, связанный с углублением всемирных взаимосвязей и взаимозависимости [3; 6], ведет к трансформации роли городов, превращая их в значимые узлы транснациональных финансовых, информационных и миграционных потоков [8; 18]. Данные изменения существенным образом влияют на городскую политическую культуру.

Под влиянием глобализации происходит расширение горизонта политических представлений горожан. Глобальные темы и события, такие как изменение климата, международные конфликты или вопросы прав человека, все чаще интегрируются в локальную политическую повестку через глобальные медиа и цифровые платформы. Это обогащает когнитивные ориентации граждан, выходя за рамки привычных национальных и местных проблем. Исследователи отмечают, что глобализация способствует частичному отрыву социальных практик от их непосредственного пространственного контекста и ставит под сомнение представление об обществе как о замкнутом «контейнере». Одновременно, усиление миграционных процессов, являющееся прямым следствием глобализации, повышает этнокультурное многообразие городов. В результате, сосуществование различных ценностных установок и идентичностей способствует фрагментации дискурсивного поля городской политической культуры, создавая сложности для формирования единых символических систем и общих нормативных ориентиров. Это может приводить к возникновению конкурирующих или даже конфликтных дискурсов относительно будущего города.

Глобализация также оказывает прямое влияние на повседневные и политические практики в городской среде. Развитие глобальных сетей и цифровых технологий облегчает распространение и адаптацию различных форм неформальной

политической активности и тактик коллективного действия. Успешные стратегии протеста или самоорганизации, апробированные в одном городе (например, движения типа Оссуру или Black Lives Matter), быстро распространяются по всему миру, формируя глобальный «репертуар» гражданских практик. Возрастающая транснациональная мобильность и интеграция в глобальные сервисы меняют повседневные рутины горожан, что может как способствовать их вовлеченности в глобальные процессы, так и приводить к некоторому отчуждению от чисто локальных проблем (феномен «людей не принадлежащих месту»). Эти изменения способствуют появлению практик транснациональной солидарности и участия в глобально ориентированных кампаниях, дополняющих или трансформирующих традиционные формы локальной активности.

Влияние глобализации на политическую культуру города часто проявляется в форме конфликтов между дискурсивным и практическим измерениями. Например, дискурсы, подчеркивающие глобальную конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность города, активно продвигаемые структурами власти и бизнеса, могут служить основанием для градостроительных практик (строительство крупных объектов, приватизация общественных зон), вступающих в противоречие с повседневной жизнью горожан и ценностями их сообществ (протесты против уплотнительной застройки, защита исторического наследия). Этот тип конфликта часто осмысливается как борьба за «право на город» [9; 15], противопоставляющая локальные практики сопротивления глобально ориентированным моделям развития. Явление «глокализации» может рассматриваться как ответ на этот конфликт – локальные сообщества перерабатывают глобальные дискурсы и практики, адаптируя их для отстаивания своих интересов. Кроме того, асимметрия в доступе к ресурсам и доминирующим дискурсам между различными группами населения в глобальных городах усиливает конфликтность и способствует формированию различающихся политических ориентаций.

Существенное влияние на городскую политическую культуру оказывает информатизация, связанная с бурным развитием цифровых технологий и их глубоким проникновением в повседневную жизнь. Этот процесс не просто дополняет существующие инструменты взаимодействия, но трансформирует саму среду, в которой разворачивается городская политика, меняя способы коммуникации, распространения информации, формирования коллективных представлений и осуществления политических действий. Данные изменения исследуются в рамках различных концепций, таких как теория «сетевого общества» или «социология мобильностей» [11; 12; 13].

С точки зрения дискурсивного измерения, информатизация способствует появлению новых и изменению существующих политических дискурсов. Цифровые платформы и социальные медиа становятся ключевыми площадками для циркуляции политических нарративов, символов и формирования общественного мнения. Через опосредованное технологиями взаимодействие возникают новые формы сообществ, генерирующие специфические дискурсы

солидарности и коллективной идентичности. Концепция «умного города», активно продвигаемая властными и корпоративными структурами, формирует доминирующий нарратив, акцентирующий эффективность, прозрачность и безопасность управления на основе данных и алгоритмов. В то же время, развитие технологий провоцирует возникновение альтернативных дискурсов, посвященных проблемам приватности, наблюдения, потенциальной предвзятости алгоритмов и необходимости защиты цифровых прав, что влияет на когнитивные и аффективные ориентации горожан по отношению к политической системе.

Влияние информатизации на практическое измерение городской политической культуры проявляется в трансформации реальных поведенческих моделей и форм участия. Доступ к информации и возможность онлайн-коммуникации меняют повседневные рутины горожан и их взаимодействие с институтами. Распространяются новые практики онлайн-активизма – от подписания электронных петиций и участия в виртуальных дискуссиях до организации сетевых флешмобов и краудфандинговых кампаний. Взаимодействие с муниципальными службами и органами власти все чаще осуществляется через цифровые сервисы, формируя у граждан новые навыки и ожидания. Однако, освоение этих практик требует определенных цифровых навыков и доступа к соответствующей инфраструктуре, что актуализирует проблему «цифрового разрыва» и может ограничивать возможности участия для некоторых групп населения.

Информатизация нередко является источником конфликтов в городской политической культуре, особенно в контексте власти над информацией и контроля. Дискурс «умного города», делающий акцент на эффективности и безопасности, может легитимизировать практики массового сбора данных и алгоритмического анализа поведения граждан. Эти действия, в свою очередь, могут порождать конфликты с дискурсами приватности и личной свободы, выражающиеся в практиках цифрового сопротивления или кампаниях за защиту данных. Практика потребления информации через алгоритмически формируемые каналы способствует созданию «информационных пузырей» и «эхо-камер», что затрудняет ведение конструктивного публичного диалога, усиливает поляризацию взглядов и осложняет поиск консенсуса по городским проблемам.

Современный капитализм переживает глубокие структурные изменения, выражающиеся в переходе к экономике, основанной на информации, экспансии финансового сектора, широком распространении неустойчивых форм занятости и глобализации экономических процессов производства и потребления. Эти сдвиги, исследуемые такими теоретиками, как Мануэль Кастельс, Гай Стэндинг и Дэвид Харви, кардинально меняют социально-экономическую ткань городов. Данные трансформации прямо и косвенно влияют на формирование интересов, возможностей и ограничений различных городских групп, тем самым определяя специфику их политической культуры [14; 16].

Влияние трансформации капитализма отчетливо проявляется в дискурсивном измерении городской политической культуры. В политической повестке городов начинает доминировать дискурс, центрированный на экономической

эффективности: рост, инвестиционная привлекательность и конкурентоспособность на глобальной арене [15; 18]. Этот нарратив, укореняясь в общественном сознании, формирует у горожан установки, приоритизирующие экономическое развитие. Процессы финансиализации, превращающие городские активы, такие как земля и жилье, в объекты финансовых спекуляций, легитимируются через дискурсы рыночной логики, но одновременно порождают противоположные нарративы, апеллирующие к социальной справедливости и праву на доступное жилье. Изменения на рынке труда, включая развитие «гиг-экономики», сопровождаются дискурсами о гибкости и предпринимательстве, зачастую не отражающими реальную незащищенность и появление прекариата, с которой сталкиваются работники.

Изменения в капиталистической системе напрямую воздействуют и на практическое измерение городской политической культуры. Распространение нестандартных форм занятости формирует у горожан специфические практики адаптации и выживания в условиях экономической нестабильности. Это может ограничивать их возможность уделять время и ресурсы традиционному политическому участию и ослаблять коллективные практики, основанные на прежних формах классовой солидарности. Тем не менее, наблюдается появление новых форм практического сопротивления, связанных с отстаиванием прав работников прекариата. Процессы джентрификации, обусловленные финансиализацией и переоценкой стоимости городского пространства [15; 17], приводят к вытеснению жителей и стимулируют практики прямого действия и борьбы за «право на город» [9; 15], проявляющиеся, например, в протестах против сноса или организации локальных сообществ для защиты интересов. Практики пространственной сегрегации, являющиеся следствием экономического неравенства, ограничивают взаимодействие между различными социальными группами и затрудняют формирование общих навыков политического взаимодействия и коллективной идентичности.

Трансформация капитализма генерирует острые конфликты в городской политической культуре, возникающие на стыке экономических дискурсов и социальных практик. Дискурс экономического роста, обосновывающий определенные градостроительные практики и инвестиционную политику [15; 18], может прямо противоречить повседневным практикам и интересам жителей, сталкивающихся с последствиями джентрификации, ухудшением экологии или недостатком социальных услуг. Конфликт между дискурсами рыночной эффективности и социальной справедливости выливается в борьбу за городские ресурсы – землю, бюджет, доступ к инфраструктуре. Напряжение между дискурсом гибкости труда и реальностью прекаризации приводит к новым формам социальной напряженности и протеста, которые не всегда укладываются в рамки традиционной классовой борьбы. Эти конфликтные ситуации отражают глубинное противоречие между товарной и потребительской стоимостью земли.

Одним из определяющих процессов современности, оказывающим глубокое влияние на социальные связи и городскую политическую культуру, является

индивидуализация. Этот феномен характеризуется возрастанием дистанции между индивидом и жесткими коллективными установками, а также обретением человеком большей самостоятельности в формировании своей идентичности и жизненного пути. В условиях городской гетерогенности и разнообразия индивидуализация проявляется особенно выражено, преобразуя формы солидарности и общественные отношения.

Индивидуализация помещает в центр внимания дискурсивное измерение политической культуры такие ценности, как личная автономия, свобода выбора и самореализация. Приоритет этих ценностей над коллективной лояльностью влияет на то, как горожане воспринимают и оценивают политику – прежде всего с точки зрения ее воздействия на их личную жизнь и возможности для развития. Под влиянием индивидуализации, а также концепции «текучей современности», дискурсивное пространство городской политической культуры становится все более фрагментированным. Множественность идентичностей, обусловленная функциональной дифференциацией и разнообразием стилей жизни, приводит к появлению конкурирующих нарративов о целях и ценностях городского существования, что осложняет достижение общегородского консенсуса.

Воздействие индивидуализации на практическое измерение городской политической культуры выражается в трансформации форм политического участия и повседневных взаимодействий. Традиционные коллективные практики, опирающиеся на прочные групповые связи (например, партийная деятельность или профсоюзы), как правило, ослабевают. Вместо них распространяются более индивидуализированные и гибкие способы выражения политической позиции – через потребительский выбор, онлайн-активизм, участие в кампаниях, сфокусированных на конкретных интересах, а не на устойчивой коллективной идентичности. Смещение акцента на приватность способствует частичной эрозии публичной сферы как пространства интенсивного неформального социального взаимодействия. При этом индивидуализация не приводит к полному исчезновению коллективности; напротив, возникают новые, часто ситуативные формы объединения, основанные на общих проблемах или интересах. Такие объединения могут генерировать новые коллективные практики, нередко действующие вне традиционных институциональных рамок.

Индивидуализация порождает конфликты, особенно выраженные в напряжении между декларируемыми демократическими ценностями и реальными практиками. Дискурс демократии предполагает коллективное действие и вовлеченность в общие дела, однако практика ухода в приватность и концентрации на личных интересах может проявляться в низкой явке на выборах или апатии к общегородским проблемам. Конфликт может возникать и при отстаивании узких индивидуальных или групповых интересов, основанных на фрагментированных идентичностях, что затрудняет формирование широких коалиций для решения общих задач. Несмотря на важность дискурса индивидуальных прав, его реализация на практике может приводить к фрагментации протеста, когда каждая группа фокусируется исключительно на защите своих специфических

прав, не способствуя формированию единой политической повестки. Этот феномен отражает более широкий конфликт между категориями «субъекта» и «индивида», указывая на вызовы, которые индивидуализация ставит перед коллективными формами демократической организации.

Заключение. Проведенный анализ влияния фундаментальных процессов современности на городскую политическую культуру демонстрирует их комплексный и зачастую противоречивый характер. Глобализация расширяет горизонты политических представлений и стимулирует новые формы транснациональной активности, но одновременно усиливает раздробленность идентичностей и культурные напряжения. Информатизация преобразует коммуникационные практики и открывает цифровые каналы для участия, однако ставит вопросы цифрового неравенства и ведет к поляризации мнений. Трансформация капитализма, сопровождающаяся ростом социального неравенства и неустойчивостью занятости, подрывает традиционные формы солидарности и обостряет борьбу за городские ресурсы и пространство. Индивидуализация, продвигая ценности личной автономии, способствует появлению гибких форматов политической вовлеченности, но может ослаблять публичную сферу и затруднять коллективное действие.

В совокупности эти глобальные процессы, преломляясь через специфику городской среды, формируют особые черты политической культуры современного урбанизма. Она обретает многоуровневый характер, вбирая влияния с глобального, национального и локального уровней. Ей присуща выраженная фрагментация, обусловленная высокой социальной и культурной неоднородностью и расслоением. Важной особенностью является ее глубокая связь с материальной реальностью городского пространства, выступающего как активный фактор и поле политических взаимодействий. Ориентации горожан становятся более прагматичными, ориентированными на конкретные повседневные проблемы и экономические интересы, что определяется их реальным опытом взаимодействия с властью и рыночными силами. Наконец, политическое действие в городе приобретает гибридные формы, сочетая использование формальных институциональных каналов с неформальными, часто цифровыми, практиками.

Таким образом, конфликт представляется неотъемлемой чертой политической культуры современного урбанизма и одновременно ее движущей силой. Он проявляется в рассогласовании между общепринятыми представлениями и реальным поведением, противоречиях между различными взглядами и ценностями, столкновении интересов и практик, а также в напряжении между политической культурой граждан и действиями городских властных структур (режима). Эти конфликтные ситуации, являющиеся отражением глубинных противоречий современности в городском контексте, стимулируют адаптацию политической культуры и поиск новых, часто неконвенциональных, способов политического выражения и самоорганизации в урбанизированной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алмонд Г., Верба С.** Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. Москва: Мысль, 2014. 500 с.
2. **Бауман З.** Индивидуализированное общество / пер. В.Л. Иноземцева. Москва: Логос, 2005. 390 с.
3. **Бек У.** Что такое глобализация? Москва: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
4. **Вирт Л.** Избранные работы по социологии. Сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Л.В. Гирко. Москва: ИНИОН, 2005. 240 с.
5. **Дука А.В.** Политическая культура: поиски теоретических оснований // ПОЛИТЭКС. 2006. № 1. С. 7-30.
6. **Гидденс Э.** Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Москва: Весь мир, 2004. 120 с.
7. **Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.** Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. Москва: ИИЦ «Праксис», 2017. 492 с.
8. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. **Лефевр А.** Производство пространства / пер. с фр. Москва: Strelka Press, 2015. 432 с.
10. **Полякова Н.Л.** Образ современных обществ в социологической теории конца XX – начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 2. С. 128-143.
11. **Рено А.** Эра индивида. К истории субъективности. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. 471 с.
12. **Сеннет Р.** Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаева [и др.]. Москва: Логос, 2002. 424 с.
13. **Стэндинг г.** Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
14. **Урри Д.** Мобильности. Москва: Праксис, 2012. 576 с.
15. **Харви Д.** Социальная справедливость и город / пер. с англ. Е.Ю. Герасимовой. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
16. **Aalbers M.** The financialization of housing. A political economy approach. 1st ed. London: Routledge, 2016. 168 p.
17. **Sassen S.** New frontiers facing urban sociology at the millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51, No. 1. P. 143-159.
18. **Sassen S.** The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001. 464 p.
19. **Welch S.** The concept of political culture. New York: St. Martin's Press, 1993. 208 p.
20. **Welch S.** The theory of political culture. Oxford: Oxford University Press, 2013. 240 p.

D.A. RAZINKOV

Specialist-expert, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia

POLITICAL CULTURE OF THE CITY IN THE CONTEXT OF MODERNITY: INFLUENCES AND FEATURES

In this article, we will explore the impact of modernity on urban political reality. To conduct a productive analysis, we will use the political science concept of political culture in the author's interpretation, which includes the classical orientation model by Almond and Verba, as well as the discursive-practical approach by Stephen Welch. We will understand modernity sociologically, which encompasses the processes of globalization, individualization, informatization, and capitalist transformation. Therefore, let us examine how urban political culture exists in the context of modernity.

Key words: political culture, modernity, urban culture, globalization, individualization, transformation of capitalism, informatization.